

ФЕДОР БОРИСОВИЧ УСПЕНСКИЙ.
Фото М. Поповой

В истории любого правящего в Средневековье рода есть фигуры, биография которых не укладывается в общепринятые рамки. Однако именно их жизнь высвечивает наиболее типичные механизмы, присущие их времени. Именно такой фигурой в династии домонгольских Рюриковичей был самый странный из сыновей Владимира Мономаха — князь Вячеслав. Как сообщил Фёдор Успенский, в течение долгого времени этот князь был ущемлен в своих династических правах. Не повезло даже его имени, которое в последующих поколениях князей воспроизводилось редко и крайне неохотно.

Наблюдения над жизнью Вячеслава Владимировича привели историков к довольно интересным закономерностям структурирования власти на Руси XII века. В какой-то момент этот князь достиг пика своей династической карьеры. И в тот момент в жизни Вячеслава Владимировича, который после смерти своего брата Ярополка сел в Киеве, произошла явная неудача. По свидетельству летописца, в Киев явились братья Ольговичи во главе со Всеволодом, причем они стремились не к военному конфликту, а к переговорам. На тот момент Всеволод имел при себе сравнительно небольшое войско и даже не привлекал к данной ситуации половцев, до этого помогавших ему в другом конфликте. И тем не менее Вячеслав уступил ему свое место.

Загадочная княжеская ущербность Вячеслава не исчерпывается данным эпизодом. Она отчетливо прослеживается на протяжении 1130–1150-х годов. Несмотря на старшинство этого князя в роду Рюриковичей, он умалчивается не только перед Ольговичами, но и перед членами своей же семьи. Вячеслав постоянно оказывается в ситуации, когда он должен получать главный княжеский стол, но не получает его. Что же с ним не так? Можно, конечно, обосновать всё личностными качествами князя, однако ситуация гораздо сложнее: Вячеслав Владимирович с юношеских лет преуспевает в военном деле.

Оказывается, начало черной полосы в его княжеской карьере связано с тем, что Вячеслав теряет единственного, уже взрослого сына Михалко. А окончание этой полосы — с тем, что он приобретает сына или даже нескольких сыновей! Факт смерти Михалко в летописи освещен детализированно, хотя ранее этот молодой князь в летописях не упоминался вовсе. Это означает либо особую значимость ушедшей фигуры и всего трагического события в целом, либо прекращение целой родовой линии. Несмотря на наличие у Михалко сыновей, а у Вячеслава — внуков, к моменту вступления князя Вячеслава на киевский престол выросшего сына у него нет, а внуки ему не могут быть заменой! Этим, по всей вероятности, и объясняет-

Отцы и дети в XII веке

Мария Попова

Отцы и дети (в особенности сыновья), психологические и династические отношения между ними — вечная тема и во всемирной, и в отечественной истории. Не говоря уж о литературе и жизни. О том, каковы были уникальные отношения между отцами и детьми у Рюриковичей на Руси в XII веке, рассказали на VII круглом столе «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе» ведущие научные сотрудники Высшей школы экономики: докт. филол. наук, заместитель директора Института славяноведения РАН и руководитель Центра славяно-германских исследований Фёдор Успенский и канд. филол. наук, сотрудник Центра славяно-германских исследований РАН Анна Литвина.

ся загадочная ущербность Вячеслава и невозможность для него быть полноценным правителем. Вместе с тем из всей истории XII века можно сделать вывод, что ни одному из князей не удается удержаться на киевском престоле, если он не имеет кровных или благоприобретенных сыновей. «Это не закон, но однозначная тенденция: отсутствие в княжеской семье мальчиков долгое время после женитьбы значительно снижает карьерный потенциал князя», — сообщил Фёдор Успенский. Для князя иметь сына или сыновей было важно с военной-стратегической точки зрения: с его или их помощью можно было удерживать, например, Новгород, Переяславль или иной не менее значимый город. Таким образом, наличие или отсутствие наследников мужского пола тесно связано с династической судьбой у Рюриковичей.

Есть и другая сторона этого явления. Исследователи называют ее «кизгойство». Если огрубить, дело будет

тирующие соглашения между семьями двоих князей-братьев в случае смерти одного из них и передачу осиротевших племянников под кровительство дяди. Такой договор был заключен, например, между единокровными братьями Мстиславом и Ярополком, а также между братьями Юрием Долгоруким и Андреем. Подобные отношения проявлялись и в иманаречении: один из младших сыновей Мстислава стал носить имя Ярополк, а один из сыновей Юрия был назван Андреем.

Поначалу такие договоры заключаются не между всеми братьями, а между парами, наиболее близкими по возрасту. Но именно тогда вырабатывается механизм, позволяющий сыновьям не остаться без отца, а отцу на пике своей княжеской карьеры — без сыновей. В летописи можно найти множество свидетельств того, что ближайшие родственники, а иногда даже не родственники для того или иного Рюриковича становятся «яко отец» или «во отца место».

Гравюра ШЛИПЕРА с оригинального рисунка Клавдия ЛЕБЕДЕВА «Князь Изяслав Мстиславич предлагает мир и дружбу дяде своему Вячеславу» (1890)

выглядеть так: в XI и первой трети XII века оставшийся без отца князь, пусть даже и при живом деде, иногда осиротевший прежде, чем его удалось посадить на какой-либо княжеский стол, терял то место в родовой иерархии, которое принадлежало ему при рождении. Вся история того времени пронизана всевозможными династическими конфликтами, связанными с изгойством и полуизгойством.

Ситуация, в которой осиротевшим сыновьям, слишком рано вззошедшим на престол, приходится очень нелегко, характерна, пожалуй, для всех западноевропейских династий. Но, по словам Фёдора Успенского, именно у Рюриковичей можно наблюдать, насколько внуки-сироты даже при живом деде выпадают из родового счета.

Возвращаясь к проблеме отцов и детей, можно отметить, что описываемое время ознаменовано также конфликтами дядьев и племянников: дядья не хотели помогать осиротевшим племянникам, а племянники всячески пытались забрать у них отцовское наследство. В какой-то момент Мономашичи начинают заключать внутриродовые договоры, регла-

БОРИС И ГЛЕБ НА КОНЯХ.
Икона середины XIV века

Подобные договоры заключались также не только между братьями, но и между старшими и младшими родичами. «Только с интересующего нас периода генеалогически тот, кто не является отцом, может напрямую, быть отцом напрямую назван... Вячеслав охотно и многократно именуется отцом Изяславу и Ростиславу», — рассказал Успенский. Постепенно этот острый династический конфликт вызывает удивительный сдвиг: начинается борьба за племянников, отцом начинает именоваться даже дядя по матери.

Ипатьевская летопись показывает, насколько часто подобные «искусственные» сыновья используют

слово «отче», обращаясь к новоиспеченным отцам. Пожалуй, они делают это даже чаще, чем настоящие сыновья. По мнению Фёдора Успенского, за этим скрывается определенная церемониальная демонстративность, которую подчеркивают как летописцы, так и сами князья. Притом летопись содержит описание одной церемонии с крестоцелованием, после которой небиологический отец именуется отцом уже безо всяких метафор. Это описание касается как раз упомянутых Вячеслава Владимировича и Изяслава Мстиславича. С этого момента династическая ущербность Вячеслава Владимировича оканчивается. С введением такой процедуры находится выход, как племянникам не стать врагами дядьям и как бессыновним отцам обрести сыновей.

После доклада корреспондент ТРВ-Наука задал Фёдору Успенскому несколько вопросов.

— Были ли аналоги процедуре «усыновления» в западных, например скандинавских, странах?

— Аналогов не было. Были сходные явления в скандинавских странах, когда люди становились друг другу заместителями сына и отца. Для этого была своя именная терминология. Тут не было полного переноса кровно-родственных отношений, это были своего рода искусственные отношения. А у русских слово «отец» с середины XIII века начинает употребляться буквально. Не в кавычках, а буквально! Отцом называется тот, кто отцом не является.

— То есть нельзя сказать, что этот обычай перенесен из Западной Европы?

— Это практика, которая развилась в XII веке у Рюриковичей. Так сказать, сама собой.

Также удалось поговорить и с Анной Литвиной.

— Расскажите, пожалуйста, о церемонии символического «усыновления».

— Для Вячеслава и его племянника Изяслава эта процедура описана в летописи довольно подробно. Обряд с крестоцелованием происходил над гробом святых Бориса и Глеба. Соответственно, это было в Вышгороде, при скоплении довольно большого количества народа. Причем граждане, присутствовавшие там, — люди, близкие обеим сторонам, еще дают обещание «не размолвливать их», то есть не ссорить их между собой, никак не противоречить этому миру. Эта церемония действительно довольно длинная, хорошо описанная, в летописях освидетельствованная. Это очень важно, потому что часто князья ссылаются на то, что какой-то договор между ними был, что было крестоцелование. Такая глухая отсылка... А здесь у нас есть прямо описание церемонии. Это была клятва над мощами, над гробами святых Бориса и Глеба, бывших родичей всех этих князей, что для них было очень важно, сопровождавшаяся целованием креста в присутствии большого количества приближенных двух князей, которые прежде не всегда были между собой в хороших и мирных отношениях. И в такой процедуре клятвы и договора участвуют не они одни, но и их бояре, дружинники, сторонники.

— О какой летописи идет речь?

— Ипатьевская летопись, Ипатьевский свод. Та часть, о которой мы говорим, чаще всего называется Киевской летописью. ♦